

ТАНКИ

ДМИТРИЙ ЩЕРБАНОВ
ОЛЕГ АНТИПОВ

ТАНКИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Щ61

Щербанов, Дмитрий, Антипов, Олег.

Щ61 Танки / Щербанов Дмитрий, Антипов Олег. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-107908-6

Дорогой читатель! Вы держите в руках книгу, в основу которой лег одноименный художественный фильм «ТАНКИ».

Эта кинокартина приурочена к 120-летию со дня рождения выдающегося конструктора Михаила Ильича Кошкина и посвящена создателям танка Т-34. Фильм снят по мотивам реальных событий. Он рассказывает о секретном пробеге в 1940 году Михаила Кошкина к Сталину в Москву на прототипах танка для утверждения и запуска в серию опытных образцов боевой машины. Той самой легендарной «тридцатьчетверки», на которой мир был спасен от фашистских захватчиков!

В этой книге вы сможете прочитать не только вымышленную киноисторию, но и узнать, как все было в действительности. Как создавался Т-34, на какие жертвы шли его создатели. Здесь представлен портрет предвостанного поколения, когда люди общее благо ставили выше своих личных интересов во имя Родины.

Желаю вам интересного чтения и увлекательного просмотра!

Владимир Мединский

Авторы книги «ТАНКИ»

Дмитрий Щербанов – генеральный продюсер художественного фильма «ТАНКИ», теле- и кинопродюсер. Родился 15 сентября 1975 года. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат многочисленных российских и международных кинофестивалей. Награжден орденом М. Ю. Лермонтова. Отмечен в справочнике «Кто есть кто на Российском телевидении». Имеет благодарность министра связи и массовых коммуникаций РФ за вклад в развитие кинематографа.

Олег Антипов – сопродюсер художественного фильма «ТАНКИ», один из ведущих телевизионных интеграторов России, крупный медиаменеджер. Родился 17 ноября 1968 года. Кандидат технических наук. Является членом Технологического Комитета Национальной Ассоциации Телерадиовещателей, академиком Международной академии телевидения и радио. Награжден золотой медалью Академии за личный вклад во внедрение новых технологий. Присвоено звание «Мастер связи».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щербанов Дмитрий, Антипов Олег, текст

© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-107908-6

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО

КОНСТРУКТОРСКОЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Халхин-Гол. Окрестности горы Баян-Цаган

Поле на берегу реки. День ещё только начинался, солнце едва показалось, а в воздухе, пропитанном молочным туманом, ощущалась утренняя свежесть, и всё вокруг было озарено общим светом начинающегося дня – и степь, и река, и птицы, поднявшиеся с ночлега, и опрысканная росой дорога.

Казалось бы, такой прекрасный мирный пейзаж... Но повсюду были видны воронки. А на поле застыли десятки подбитых и сгоревших советских танков. Тут можно было увидеть и танкетки Т-37А, и «огнемётные танки» ОТ-26, и лёгкие так называемые «быстроходные танки» БТ-7*, и лёгкие танки БТ-5 – их предшественники...

По полю энергичными шагами передвигалась группа офицеров. Это были члены комиссии, возглавляемой командармом 1-го ранга Григорием Ивановичем Куликом.

Этого человека совсем недавно, в январе 1939 года, назначили заместителем наркома обороны СССР Климента Ефремовича Ворошилова, и теперь он во главе комиссии прибыл в район боёв на реке Халхин-Гол.

Впереди комиссии шёл Георгий Константинович Жуков. С июня 1939 года он был командующим 57-м особым ар-

мейским корпусом Рабоче-крестьянской Красной Армии на территории Монголии.

Несколько дней назад, а именно 2 июля 1939 года, японская группировка перешла тут в наступление. Глубокой ночью войска генерал-майора Кобаяси форсировали реку Халхин-Гол и после ожесточённого боя захватили на её западном берегу гору Баян-Цаган, находящуюся примерно в сорока километрах от маньчжурской границы. Сразу же после этого японцы сосредоточили здесь свои главные силы и стали чрезвычайно интенсивно строить фортификационные сооружения, возводя эшелонированную оборону. В дальнейшем планировалось, опираясь на господствовавшую над местностью гору Баян-Цаган, ударить в тыл оборонявшихся на восточном берегу реки Халхин-Гол советских войск, отрезать и в дальнейшем уничтожить их.

Положение для Красной Армии сложилось крайне сложное, и, по сути, выручило всех то, что Жуков заранее создал подвижный резерв, который и был оперативно введён им в действие. Жуков, не дожидаясь подхода пехотного прикрытия, бросил в бой прямо с марша находившуюся в резерве 11-ю танковую бригаду комбрига Михаила Яковлева, включавшую в себя до полутора сотен танков, и 8-й монгольский бронедивизион, оснащённый бронесамоблудами. Вскоре их поддержала 7-я мотоброневая бригада в составе 154 бронемашин.

Конечно, Жуков в этой сложнейшей ситуации нарушал требования боевого устава РККА. Он действовал на свой страх и риск, вопреки мнению командарма 2-го ранга Григория Михайловича Штерна. Но в тот момент принятое

Жуковым решение оказалось единственно верным. Однако этот поступок последнего имел последствия. Не мог не иметь...

По линии особого отдела корпуса в Москву было передано донесение, которое легло на стол лично товарищу Сталину. В нём говорилось о том, что Жуков «преднамеренно» бросил в бой танковую бригаду без разведки и пешотного сопровождения.

И вот из Москвы для принятия решения была прислана следственная комиссия во главе с командармом Куликом.

Безусловно, не самый лучший вариант. Но что было делать? Командиров высокого уровня, которые были бы способны выправить положение, в распоряжении товарища Сталина тогда не оказалось. И вот прислали «старого рубачу» Кулика, и тот был страшно возмущён, ведь вокруг горы Баян-Цаган развернулись ожесточённые бои. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий и сотни самолётов. И этот главный бой против японцев, прорвавшихся на западный берег Халхин-Гола, произошёл без участия доблестных советских стрелковых частей, вопреки желаниям и действиям самого Григория Ивановича Кулика. И численное превосходство было на стороне противника. И в результате, да, это приходилось признать, советским войскам удалось нейтрализовать ударную группировку японцев. Но не командарм 1-го ранга Кулик, а какой-то комкор Жуков поднял танкистов по тревоге, приказал мчаться более сотни километров до реки и сбросить в неё японцев. Да, Жукову удалось отбросить врага, нанеся ему серьёзные потери. Но и с

советской стороны потери оказались весьма значительными, на что и делался упор в переданном в Москву донесении. И вот теперь прибывшие члены комиссии с недовольством поглядывали на выведенную из строя технику. Жуков подошёл к одному из танков и указал пальцем на пробойну в броне.

— Вот, смотрите... Двадцать миллиметров. Противотанковое ружье. Видали? Навылет! А есть ещё тридцать семь... Во какая пробойна! С голову! Где-то тут он был...

И комкор принялся осматриваться в поисках танка с соответствующей пробойной. Ему очень хотелось показать её членам комиссии, но командарм Кулик резко оборвал его:

— Это должно вас как-то оправдать? Я что-то не совсем понимаю.

Теперь уже «взорвался» Жуков:

— Я здесь не для оправданий, товарищ командарм. Хотя вину с себя не снимаю.

— Неужели? — ехидно переспросил Кулик.

— Именно так. Это я послал в бой войска в броне, которая на самом деле годится только для проведения смотров и парадов.

Взгляд командарма стал жёстким:

— Послал, да... Причём самовольно! Но, боюсь, с таким уровнем дисциплины воевать вам осталось недолго, товарищ Жуков.

— Не знаю, сколько осталось мне, — огрызнулся чувствовавший свою правоту Георгий Константинович, — а вот у Красной Армии впереди ещё не одна война.

— Весьма вероятно, — кивнул головой Кулик.

— Не весьма вероятно, товарищ командарм, а наверняка. И для победы ей нужны танки. Но настоящие. Такие, чтобы даже в самом пекле не плавилась.

* * *

Командарм Кулик был не просто возмущён. Прибыв на место боёв, он стал активно вмешиваться в оперативные дела и приказы Жукова. Это привело к тому, что 15 июля 1939 года нарком обороны СССР объявил в телеграмме своему заместителю выговор и отозвал его в Москву. В телеграмме говорилось:

Правительство объявляет Вам выговор за самоуправство, выразившееся в отдаче без ведома и санкции Наркомата обороны директивы командованию 57-го корпуса об отводе главных сил с восточного берега реки Халхин-Гол. Этот недопустимый с Вашей стороны акт был совершён в момент, когда противник, измотанный нашими войсками, перестал представлять серьёзную силу, и только ничем не оправданный отход наших войск спровоцировал японцев на новые, хотя и слабые, активные действия. Главный военный совет обязывает Вас впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса...

Сам Жуков потом так рассказывал о происходивших событиях:

«Создалось тяжёлое положение. Кулик потребовал снять с того берега, с оставшегося у нас плацдарма, артиллерию: пропадёт, мол, артиллерия! Я ему отвечаю: если так, давайте снимать с плацдарма всё, давайте и пехоту

снимать. Я пехоту не оставляю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же, пехота будет пропадать там одна? В общем, не подчинился, отказался выполнить это приказание. У нас не было вблизи на подходе ни пехоты, ни артиллерии, чтобы воспрепятствовать тем, кого японцы переправили через реку. Вовремя могли подоспеть лишь находившиеся на марше танковая и бронеподразделение. Но самостоятельный удар танковых и бронеподразделений без поддержки пехоты тогдашней военной доктриной не предусматривался».

Короче говоря, Жуков взял на себя всю полноту особенно тяжёлой в подобных условиях ответственности, и он оказался победителем. И 11-я танковая бригада комбрига Михаила Яковлева прошла 60 или 70 километров напрямик по степи и вступила в бой. И она потеряла «половину личного состава убитыми и ранеными и половину машин, даже больше».

Жуков потом вспоминал:

«Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков, и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стёрли!»

Жуков пошёл на беспрецедентный риск, и нетрудно предположить, что было бы, если бы атака танковой бригады после таких потерь была отбита японцами. Георгия Константиновича, наверное, разжаловали бы и расстреляли потому, что командарм Кулик поднял бы скандал в связи с невыполнением Жуковым его приказаний. И Жукову было бы не устоять против его обвинений. Но, к счастью, на этот раз восторжествовала поговорка «Победителей не судят!»

Для самого Жукова это была первая крупная армейская операция, которую он задумал и осуществил самостоятельно. Получилось удачно, и это придало полководцу уверенности в своих силах, создало ему популярность в армейской среде и, как водится, породило недоброжелателей, главным из которых стал командарм 1-го ранга, заместитель наркома обороны СССР Григорий Иванович Кулик.

Как видим, будущий великий полководец Второй мировой войны Георгий Константинович Жуков уже тогда основную ставку сделал на подвижные войска. Он впервые в мировой военной практике использовал танковые и механизированные части для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы. Но для более значительных успехов ему нужны были совсем другие танки.

ЗА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ДО ЭТОГО

В конце декабря 1936 года нарком тяжёлой промышленности СССР Григорий Константинович Орджоникидзе, имевший партийное прозвище «Серго», обеспокоенный напряжённой обстановкой в Танковом отделе Харьковского паровозостроительного завода, сложившейся на фоне проблем модернизации серийного быстроходного лёгкого танка БТ-7, лично нашёл Михаила Ильича Кошкина и после короткого собеседования с ним принял решение направить его с Ленинградского опытного завода на Харьковский завод. Решение это было принято с учётом деловых качеств товарища Кошкина

и его личной заинтересованности в создании быстроходного среднего танка, пригодного для крупносерийного производства.

* * *

Михаил Ильич Кошкин родился 21 ноября* 1898 года в селе Брынчаги Ярославской губернии. Семья его жила бедно, земли было мало, и отец вынужден был заниматься отхожими промыслами**.

В 1905 году, работая на лесозаготовках, он надорвался и умер, оставив жену и троих малолетних детей. Из-за бедности мать Михаила пошла батрачить, а он, окончив в десятилетнем возрасте три класса церковно-приходской школы, ушёл на заработки в Москву. Ушёл в прямом смысле этого слова: пешком, с торбой сухарей за плечами и лаптями наперевес, как в своё время другой Михаил — Ломоносов. Он направился к какому-то родственнику матери, и она дала ему записку с адресом. Но буквально в первый день, не дойдя до места, Михаил наткнулся на драку — несколько сильных мальчишек избивали одного слабого. Он вмешался, выручил того, кто слабее, но в драке потерял заветную записку. И он остался один без денег и знакомых, но тут его подобрал рабочий Московской кондитерской фабрики. Этот мастер и его жена выходили

* По старому стилю. По новому стилю это 3 декабря.

** Так тогда называлась временная, чаще всего сезонная, работа крестьян вне места постоянного жительства, когда нужно было «отходить», то есть уходить из села или деревни.

Михаила и устроили на фабрику*. А он оказался очень усердным и склонным к обучению, и за восемь лет работы прошёл путь от ученика пекаря до рабочего по обслуживанию карамельных автоматов.

В начале 1917 года, перед Февральской революцией, Михаил Кошкин был призван в царскую армию и попал на Западный фронт, где воевал в составе 58-го пехотного полка. В августе 1917 года, после ранения, его направили на лечение в Москву, после чего он получил отпуск и в конце 1917 года демобилизовался из армии.

15 апреля 1918 года Кошкин добровольцем ушёл в сформированный в Москве железнодорожный отряд РККА. Он участвовал в боях на фронтах Гражданской войны и в отражении иностранной военной интервенции в России. До 1919 года он воевал под Царицыном, затем был переведён в Петроград — в 3-й железнодорожный батальон, который перебросили на Северный фронт. В составе этого батальона Кошкин воевал против британских интервентов и принимал участие во взятии Архангельска. Там же он, вероятнее всего, впервые познакомился с бронетехникой: с бронепоездами РККА и английскими тяжёлыми 30-тонными танками «Mark V» со специальными танковыми двигателями «Рикардо», которые использовались интервентами на этом участке фронта.

* Тогда это была фабрика «Эйнемъ» — та самая, что в 1900 году получила Гран-при на Всемирной выставке в Париже за ассортимент и качество шоколада, а в 1913 году удостоилась звания поставщика двора Его Императорского Величества. С 1922 года и поныне — это знаменитая фабрика «Красный Октябрь»).